СУЧАСНА ПОЛІТИЧНА ЕКОНОМІЯ ТА ІНСТИТУЦІОНАЛІЗМ: ПРЕДМЕТНА І МЕТОДОЛОГІЧНА ПРОБЛЕМАТИКА

УДК 330.101.4

У.Ж. Алиев

ПРЕДМЕТНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В эволюционном контексте раскрываются причины кризиса понимания предмета теоретической экономии. Рассматриваются актуальные проблемы упорядочения ее предметного пространства.

Ключевые слова: *теоретическая экономия, предмет познания, гносеологический кризис, предметная определенность, производственные отношения.*

Самоопределение предмета любой отдельно взятой науки, в данном случае теоретической экономии – важное условие и исходный принцип ее самоосмысления, самооценки и самосознания как научной дисциплины, ибо вся без исключения последующая содержательная характеристика этой науки органически проистекает от ее предметной определенности.

Теоретическая экономия есть синтез (хотя и в идеале) «общей экономики», «социальной экономии», каталлактики (экономикса) и в этом своем качестве выступает ***базовой*** общетеоретической составляющей современной системы экономических наук.

На рубеже тысячелетий усилился **кризис** понимания предмета теоретической экономии. Это связано, как мне представляется, с двумя основными причинами. *Первая причина* носит **объектный,** т. е. по отношению к самой теоретической экономии экзогенный, «внешний», характер и связана с глобальными сдвигами самого **объекта-оригинала**, т. е. системы экономических явлений и процессов в мировом, макрорегиональном и страноведческом (национальном) масштабах, особенно их кризисом и трансформацией в постсоциалистических (постсоветских) странах.

Вторая причина носит как бы **субъектный**, т. е. по отношению к теоретической экономии эндогенный, «внутренний», характер и тесно связана с ***гносеологическим*** ее кризисом, т. е. кризисом в познании и отражении самой кризисной общественной реальности в системе научного знания. Состояние трансформированности, переходности, особенно сильной деформированности, неразвитости, неопределенности и непредсказуемости современного мира, как правило, вызвало смещение (а иногда и смешение) и размытость представлений о нем самом, в связи с чем субъекты теоретической экономии «потеряли» и «растеряли» свой традиционный предмет; предмет становится неясным, зыбким, расплывчатым (как в реальности, так и в представлении субъектов науки).

Это результат того, что, несмотря на изученность данного вопроса, проблема предмета теоретической экономии и составных ее частей, как ни парадоксально, еще не разработана как следует в серьезных научных исследованиях. Кажущаяся простота и ясность вопроса о предмете политэкономии и экономикс, своеобразная эйфория изначальной фундаментальности и «всеядности» их задач и роли привели ни много ни мало к отсутствию ***целостной теории предмета теоретической экономии как науки*** в целом и ее составных частей, а на практике – к общественному их порицанию как «виновнице» чуть ли не всех сегодняшних бед и потрясений [1; 2].

Исследование предмета теоретической экономии требует новых подходов, ибо как сам реальный предмет, так и изучающая его наука, не может не находиться либо в динамическом

© У.Ж. Алиев, 2012

(прогресса или регресса), либо в статическом (застоя и кризиса) состоянии. Это предполагает рассмотрение ***генезиса взглядов на предмет теоретической экономии в различных дисциплинарных формах ее существования*** за довольно длительный период ее становления и развития. «Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже и мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах» [3].

Сам предмет экономической науки, начиная с древности, развивается в таком направлении, когда этот же ***предмет*** **из своих** ***предпосылок*** **через самое себя постепенно превращается в** ***систему*****, а система –** ***в целостность***. И, в свою очередь, сами представления об этом предмете, вначале в качестве гениальных догадок, впоследствии постепенно превращаются в научные гипотезы, а гипотезы – в стройную и целостную концепцию и теорию предмета науки экономии вообще и теоретической экономии в частности. Совершим краткий исторический экскурс в логику развития предметной определенности теоретической экономии, рассматриваемой как синтез ряда базовых дисциплин общетеоретического характера.

Ксенофонт, по-видимому, является **основоположником экономической науки как таковой** (и «предметоведения» как нового исследовательского направления в науковедении), из которой впоследствии постепенно «выщелущивались» собственно политическая экономия и другие экономические дисциплины. «В чем состоит **предмет** домоводства», – вопрошал он и сам же отвечал: «Домоводство есть... название... *науки*..., при помощи которой люди могут обогащать *хозяйство*, хозяйство согласно нашему определению, есть все без исключения *имущество*, а имуществом каждого мы назвали то, что *полезно* ему в жизни, а *полезное*... – это все, чем человек умеет *пользоваться»* [4, с. 247–320]. Здесь мы, по существу, видим **первую попытку** в истории человечества **определить** ***предметную специфику*** **экономики как науки**, в том числе и будущей теоретической экономии в частности. Причем в нем в «зародыше» содержится множество последующих научных и ненаучных определений предмета теоретической экономии и экономикс.

По вопросу предметной определенности науки «экономики» **Аристотель** в целом оставался на позиции Ксенофонта.

Но поскольку Ксенофонт и вся древнегреческая «экономическая наука» исходят, главным образом, из натурального хозяйства, постольку и соответственно этому **подлинным «предметом» науки экономики** в тот период был, как я полагаю, ***процесс потребления***, вернее, разумное личное потребление человека, гражданина греческого полиса. Следовательно, исходя из конкретно-исторических условий формирования науки экономики в учениях древних греков, хотя в неявной форме, но обозначен ее предмет – ***сфера (отношения) потребления***.

Понимание «экономики» (экономии) как науки о домашнем хозяйстве (вначале о рабовладельческом «доме», позже – феодальном поместье) прошло через всю древность и средневековую историю вплоть до образования первых общенациональных, государственных хозяйств и получения ею другого, более современного названия – **«политическая экономия»**. Автор нового термина **А. Монкретьен** расширил ***объект этой науки*** – теперь им стало не обособленное домашнее хозяйство (рабовладельческое или феодальное), а целое *национальное, государственное* хозяйство.

Связь между «экономией» и «теоретической экономией» своеобразно интерпретировал английский экономист **Дж. Стюарт**: «Экономия в общем смысле слова – это умение осмотрительно и бережно удовлетворить все запросы семьи (это еще раз подчеркивает то, что «предметом» древнегреческой экономики является потребление. – У.А.)... То, что в семье является экономией, в государстве является теоретической экономией» [4, с. 270–271].

Из этого **объекта** – государственного (национального) хозяйства – постепенно начинает выделяться собственно **предмет** теоретической экономии во взглядах **меркантилистов –** ***сфера обращения*** (точнее, сфера обмена в виде внешнеторгового обращения), что связано с возникновением рыночных отношений первоначально не в сфере производства, а в сфере обращения в силу большей потребности и быстроты движения капиталов и образования богатства в виде золота (ранняя, монетарная система) или товаров (поздняя, коммерческая, мануфактурная система меркантилизма). В этом, хотя и в неявной форме, разграничении *объекта* науки теоретической экономии – национального (всего государственного) хозяйства и *предмета* на-

уки – **сферы (отношении) обмена** мы видим одну из основных заслуг **меркантилистской школы** в становлении теоретической экономии как научной дисциплины.

Но «подлинная наука современной теоретической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретические исследования переходят от процесса обращения к процессу производства» [цит. по: 5]. Это потому, что производство материальных благ и услуг, а значит, и сам «материально-производительный» труд, согласно марксизму, есть первая предпосылка и основа общественной жизни, истинный источник всякого богатства.

Данная мысль впервые в истории науки была высказана величайшим средневековым арабским мыслителем **Ибн-Хальдуном,** который «выдвинул теорию закономерного прогрессивного развития общества от низшей фазы к высшей через развитие форм **производительной** деятельности людей... объяснил развитие форм общественной жизни развитием **производства**» [6].

Весьма подробно и глубоко научно проанализировав **труд** в качестве источника богатства государства и основы эквивалентного обмена товарами («равноценного обмена», по его выражению), Ибн-Хальдун в своей работе «Аль-Мукаддима» («Пролегомены» или «Введение») писал: «Знай, что условия, в которых живут поколения, различаются в зависимости от того, как люди добывают средства к существованию» [7]. И как удивительно тесно перекликается данное положение Ибн-Хальдуна с мыслью К. Маркса, высказанной им через четыре столетия: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [8].

Анализ экономических воззрений Ибн-Хальдуна позволяет сделать вывод о том, что он является прямым **предшественником** буржуазных ***«экономистов производства»***, а потому историю «теоретической экономии производства» следует начинать, как я полагаю, не с У. Петти, что стало чуть ли не **догмой**, а именно с Ибн-Хальдуна.

Новое направление политико-экономической мысли, указанное Ибн-Хальдуном, получило через несколько веков дальнейшее развитие в учениях таких «экономистов производства», как **У. Петти** и **П. Буагильбер,** в физиократической школе **Ф. Кенэ**, являющейся «первой систематической концепцией капиталистического производства», и особенно в учениях **А. Смита** и **Д. Рикардо** в совокупности образующих классическую буржуазную политическую экономию.

Однако, на первый взгляд, кажется парадоксальным, что, хотя и А. Смит, и Д. **Рикар**до относятся «преимущественно» к «**экономистам производства»**, тем не менее для них и всей классической школы **непосредственным предметом** теоретической экономии выступает **процесс (отношения)** ***распределения*** **богатства (доходов)**. На причину такого «парадокса» указывал в свое время еще К. Маркс: «...такие экономисты, как Рикардо, которых чаще всего упрекали в том, будто они обращают внимание только на производство, определяли **распределение** как *единственный предмет* политической экономии, ибо они инстинктивно рассматривали **формы распределения как наиболее точное выражение, в котором фиксируются факторы производства в данном обществе» [**9]**.**

Таким образом, в целом для классической буржуазной теоретической экономии хотя **объектом** выступает **процесс производства богатства в национальном государстве,** но ее **подлинным предметом –** ***сфера (отношения) распределения богатства (доходов)*** [цит. по: 10], что еще не позволяет политэкономии приобрести свой истинный предмет исследования.

Из вышеизложенного вытекает вывод о том, что вся «писаная» история древнегреческой науки экономики – через средневековье, включая классическую буржуазную политическую экономию, – составляет своеобразную «предысторию» в развитии теоретической экономии в виде теоретической экономии, в течение которой шел поиск подлинного предмета этой науки. За этот период из ***вещественного содержания*** производства постепенно выделялись ***общественные формы*****, из** ***внешних*** **проявлений явления –** ***внутренние*** **их закономерности,** которые «с большим напряжением» стали фиксироваться как **самостоятельный предмет** политико-экономического исследования.

Значительная синтетическая работа по обоснованию предметной специфики теоретической экономии как научной дисциплины была сделана К. Марксом. Это стало возможным благодаря диалектическому пониманию К. Марксом производства как ***органического единства*** непосредственно производства, распределения, обмена и потребления.

Именно потому, что распределение, обмен и потребление есть внутренние моменты самого производства и находятся в нем как моменты в «свернутом виде», такое понимание и позволило К. Марксу определить **предмет** теоретической экономии – ***производственные отношения*** людей, причем без специального обращения каждый раз к моментам распределения, обмена и потребления.

Итак, если проследить историю взглядов на предмет науки экономики, позже теоретической экономии, то четко прослеживается следующая **основная тенденция –** *представления по данному вопросу идут от реальных процессов и явлений экономической жизни (раньше) к более сущностным основаниям экономических явлений (позже).*

В 20-е годы XX ст. советская экономическая наука пережила своеобразный «кризис гносеологической ситуации» по двум фундаментальным вопросам: **а) по предметной границе политэкономии,** т. е. по ее предмету; **б) по исторической границе политэкономии**, т. е. по правомерности ее существования при централизованно-плановой системе. При этом если второй вопрос был положительно решен в середине 30-х годов, то вопрос о предмете до сих пор явно или неявно находится в центре теоретических дискуссий и даже в последнее время обостряется в силу ряда объективных и субъективных причин с возникновением новых.

По поводу главного вопроса – о предмете теоретической экономии – произошло следующее: так или иначе звучали призывы двоякого рода: с одной стороны, «дать как можно более четкое определение предмета теоретической экономии», с другой – «дать такое определение предмета теоретической экономии, которое охватывало бы все стороны этого предмета» [11].

Но в дальнейшем с призывом **«*дать четкое определение предмета*»** ничего путного не получилось, а победил призыв **«*дать определение, которое охватило бы все стороны предмета*»**. Другими словами, наметилась, к сожалению, неблагоприятная тенденция отхода от «ограничительной версии» политэкономии (ограничение ее предметной границы производственными отношениями, причем не совсем верно понимаемыми) и обоснования и прочного закрепления так называемой «**расширительной версии**» ее предмета. Эта версия господствует сегодня во всем мире еще и потому, что с некоторых пор во многих странах мира политэкономия была необоснованно заменена «экономиксом», по сути, под названием «экономическая теория» (в странах СНГ).

Надо отметить особо, что сама «расширительная трактовка» предмета политэкономии имеет солидный «возраст»; ее «отцом» в принципе является сам Ксенофонт (его определение предмета науки экономики). Она многообразилась и расплодилась вместе с развитием самой политэкономии, позже «процветала» с появлением на Западе «экономикса», во взглядах «механистов» в 20-е годы, особенно в 70–80-е годы в бывшем СССР, а в последнее время – с появлением так называемой «экономической теории».

Резюмируя **формы выражения** «расширительной трактовки» предмета теоретической экономии, можно свести их к следующим основным направлениям: **а**) в одном случае в качестве предмета этой науки вместо «производственных отношений» объявляют нечто такое, что по реальному своему содержанию и масштабу или абстрактн*е*е, «общ*е*е», «тощ*е*е», или же, наоборот, конкретнее и богаче, чем сами производственные отношения (еще раз повторяю, производственные отношения, понимаемые в данном случае в традиционном смысле), например, «богатство», «народное хозяйство», «производительные силы» и т. д.; **б**) в другом же случае она выражается в двухэлементном принципе определения предмета по формуле «производственные отношения + то-то» (например, «производственные отношения и производительные силы»); **в**) в третьем случае – в трехэлементном принципе определения предмета по формуле «производственные отношения + то-то + то-то»; **г)** в четвертом случае – по «формуле Маршалла – Самуэльсона», т. е. по принципу множественности определения предмета экономикс [12].

Таким образом, наличие множества различных мнений о предмете теоретической экономии (в данном случае таких ее разновидностей, как экономика, политэкономия, экономикс, экономическая теория и ряд «новых» экономик) позволяет солидаризироваться с И.А. Шумпетером, весьма образно отождествлявшим создавшуюся обстановку с **бедламом** – ситуацией в лондонском доме сумасшедших [13].

Широко распространены суждения типа: вопрос о предмете политэкономии «окутан сплетением ожесточенных препирательств» (Дж.М. Кейнс), он является «столь же спорным»,

сколь «нерешенным до сих пор» (Р. Орженский), по «этому поводу каждый считает долгом своей научной чести выдумывать что-нибудь свое» (С. Булгаков), «вопрос этот туманный» (Ф. Найт), «крайне трудно дать определение предмета этой науки» (П. Самуэльсон), эта наука «не имеет вообще своего предмета» (Р. Коуз), «строго говоря, предмет теоретической экономии так и не был определен» (Ю.М. Осипов) и т. д. и т. п.

С сожалением приходится отметить: вместо того, чтобы разобраться в этом «хаосе» и облегчить участь его «жителей» (в данном случае экономистов-теоретиков), советские, зарубежные, постсоветские экономисты еще более усугубили эту ситуацию, соревнуясь между собой в придумывании, если не в выдумывании, «экзотических», «самых лучших», «самых полных», «современных», с их точки зрения, определений предмета политэкономии, экономикс и экономической теории. В результате в настоящем времени с сожалением можно утверждать: **предметом теоретической экономии является то, о чем хочет сказать каждый специалист и неспециалист.**

Возникает вопрос: в чем дело, почему и откуда такое множество «единственных» и «самых верных» определений предмета данной науки, которые с годами (десятилетиями и даже столетиями) не унифицируются, а, наоборот, все более и более расширяются и разнообразятся, что создает реальную опасность критерию ***ее научности, объективности, необходимости и перспективности*** как особой отрасли теоретического знания? Ответ на этот важный и сложный вопрос предполагает специальный его анализ, что не является целью данной статьи (смотрите вышеуказанные работы автора [1; 2]).

Список использованной литературы

1. Алиев У.Ж. Предмет и структура теоретической экономии: дис. … д-ра экон. наук / У.Ж. Алиев. – Алматы – СПб, 2004.

2. Алиев У.Ж. Предмет и метод теоретической экономии (Основы предметоведения) / У.Ж. Алиев. – Астана: Университет «Туран-Астана», 2012.

3. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т.II. / Н.Г. Чернышевский. – М.: Художественная литература, 1949. – С. 265–266.

4. Ксенофонт Акфинский. Сократатические сочинения / Ксенофонт Акфинский. – М.–Л., 1935.

5. Каратаев Л.И. Economics – буржуазная политическая экономия/ Л.И. Каратаев. – М.: «Наука», 1966. – С. 70.

6. Бациева С.М. Географический фактор в историко-социологической концепции Ибн-Хальдуна / С.М. Бациева // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, XII год. сессия ЛО ИВ АН СССР/ С.М. Бациева. – Л., 1977. – С. 183.

7. Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун / А.А. Игнатенко. – М.: Мысль, 1980. – С. 61.

8. Маркс К. ПСС. – Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – С. 191.

9. Маркс К. ПСС. – Т. 46. – Ч. 1/ К. Маркс, Ф. Энгельс. – С. 32.

10. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс – М.: Прогресс, 1978. – С. 56.

11. Под знаменем марксизма. – 1934. – № 7–8. – С. 57.

12. Самуэльсон П. Экономика. В 2-х томах. – Т.1/ П. Самуэльсон. – М.: НПО АЛГОН, 1992. – С. 6–7.

13. Блюмин И.Г. История экономических учений / И.Г. Блюмин. – М., 1961. – С. 188.

В еволюційному контексті розкриваються причини кризи розуміння предмета теоретичної економії. Розглядаються актуальні проблеми упорядкування її предметного простору.

Ключові слова: *теоретична економія, предмет пізнання, гносеологічна криза, предметна визначеність, виробничі відносини.*

Under an evolutionary context authors reveals the causes of the crisis understanding of a subject of theoretical economy. The topical problem of ordering the subject space are devoted.

Key words: *theoretical economy, object of knowledge, epistemological crisis, subjective certainty, productional relations.*

Надійшло до редакції 14.06.2012.